

Соина Юлия, магистрант 2-го курса РАШ

Б.Эйхенбаум, сказ и А.П.Чехов: попытка анализа текста при помощи формального метода

(Работа по курсу «Методология современного литературоведения»)

Опираясь на практику отношений группы ОПОЯЗ с литературными произведениями, а именно на анализ Б.Эйхенбаумом гоголевской «Шинели», хотелось бы проанализировать рассказ А.П.Чехова «Ионыч».

Анализ «Ионыча» будет заключаться в распознавании в его литературно-структурной организации принципов сказа, так часто применяемых Гоголем и показанных на примере его «Шинели» В.Эйхенбаумом.

Б.Эйхенбаум, предваряя свою статью «Как сделана «Шинель» Гоголя», поясняет признаки, а затем и принципы построения сказа. Он говорит:

«Совершенно иной становится композиция, если сюжет сам по себе, как сплетение мотивов при помощи их мотивации, перестает играть организующую роль, т.е. если рассказчик так или иначе выдвигает себя на первый план, как бы только пользуясь сюжетом для сплетения отдельных стилистических приемов. Центр тяжести от сюжета (который сокращается здесь до минимума) переносится на приемы сказа, главная комическая роль отводится каламбурам, которые то ограничиваются простой игрой слов, то развиваются в небольшие анекдоты. Комические эффекты достигаются манерой сказа. Поэтому для изучения такого рода композиции оказываются важными именно эти „мелочи“, которыми пересыпано изложение — так что стоит их удалить, строение новеллы распадается. При этом можно различать два рода комического сказа: 1) повествующий и 2) воспроизводящий. Первый ограничивается шутками, смысловыми каламбурами и пр.; второй вводит приемы словесной мимики и жеста, изобретая особые комические артикуляции, звуковые каламбуры, прихотливые синтаксические расположения и т. д. Первый производит впечатление ровной речи; за вторым часто как бы скрывается актер, так что сказ приобретает характер игры, и композиция определяется не простым сцеплением шуток, а некоторой системой разнообразных мимико-артикуляционных жестов».

Что касается отмеченной аскетичности сюжета, то относительно Гоголя П. В. Анненков сообщает: „Он говорил, что для успеха повести и вообще рассказа достаточно, если автор опишет знакомую ему комнату и знакомую улицу“. Гоголь часто прибегает к использованию анекдотов в качестве основы сюжета, прося друзей присылать и рассказывать их ему.

Литературное творчество А.П.Чехова как правило описывает именно такие, короткие комические, или комически-трагические ситуации.

С другой стороны, отмечает Б.Эйхенбаум, Гоголь отличался особым умением читать свои вещи, как свидетельствуют многие современники. При этом можно выделить два главных приема в его чтении: либо — патетическая, напевная декламация, либо — особый способ разыгрывания, мимического сказа, не переходящего вместе с тем, как указывает И. С. Тургенев, в простое театральное чтение ролей. В рассказах Чехова опять можно найти именно такое разыгрывание ситуации с живыми характерами, щедро дополненное деталями, создающими персонажам объемность и зримость.

Еще одним признаком сказа, найденным у Гоголя, является стремление не к простому характерному повествованию, но к мимическому и артикуляционному воспроизведению слов, где особую роль играет не логика построения фразы, а ее звуковая выразительность и гармония внутри себя. У Гоголя это выражается в особом подборе имен персонажей, способе построения интонации фразы и т.п. Все это можно встретить и у Чехова, хотя, например, имена героев у него не столь «выисканы», говоря словами Эйхенбаума, но тем не менее, очень говорящи.

Все это дает нам повод приступить к анализу.

1. Продолжая свою статью, Эйхенбаум обнаруживает для читателя приемы ведения сказа. **Первым из них является наличие каламбуров.**

Каламбуры Эйхенбаум подразделяет на 1) этимологического рода, для которых часто избираются специальные имена и фамилии; 2) каламбуры, основанные на звуковом сходстве (типа павлин-мавлин, Акакий Акакиевич); 3) прием доведения фразы до абсурда с помощью противологического объединения ее начала и конца.

Относительно наличия первого вида каламбуров, то, как мы уже оговорились, чеховские персонажи не столь гротескны, как гоголевские, но их имена, а чаще фамилии о многом сами говорят. Так, фамилия главного героя рассказа «Ионыч» Старцев создает своему обладателю образ человека неэмоционального, основательного, с положением и репутацией, которой он всемерно дорожит. И действительно, в рассказе мы находим массу фактов, подтверждающих возникающие ассоциации.

Назначенный земским врачом, он поселился не в городе, а в 10 верстах от него, в город выезжал нечасто с целью «развлечься немножко и кстати купить кое-чего». Момент приезда в город передается с помощью поочередного описания совершенных им по распорядку дел (пообедал, погулял в саду), само собой пришедшем на ум воспоминании о приглашении в гости, куда он шел «не спеша», напевая. Характер дополняют сведения о том, что «Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его». Портретного описания Старцева мы не видим, зато каким ярким и говорящим образом при описании становится глава семейства Туркиных. Фамилия Туркиных наводит на мысль об их особом расположении ко всему нерусскому, даже не европейскому.

Туркины подтверждают читательские опасения манерой семейного разговора, избыливающего нарицательными типа «цыпка», «баловница», «Жанчик», называнием лакея

Павлуши «Павой». К тому же главе семейства свойствен особый, вычурный способ изъяснения. Гостей он приветствует фразой «Здравствуйте пожалуйста», иногда добавляя «Бонжурте», если речь заходит о простом праве человека на выбор, то им обязательно употребляется прилагательное «римское», создающее некоторую избыточность. «Я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице...». Восхищаясь игрой дочери на рояле, он со слезами на глазах, создающих дополнительный эмоциональный эффект, произносит: «Умри, Денис, лучше не напишешь». Характеризуя очередной роман своей жены, он называет его «большинским». Венцом его каламбуров стал пассаж, произнесенный им совершенно не кстати во время проводов дочери на бал. «Я иду по ковру, ты идешь пока врешь, он идет пока врет...».

Ярким «именным» каламбуром стало упомянутое Екатериной Ивановной как смешное имя писателя Писемского – Алексей Феофилактыч, дважды упомянутое в рассказе в моменты наивысшего накала эмоций.

Колорита семье добавляет информация о ее проживании в центре города, на главной улице, в собственном доме.

В отличие от Старцева, Туркины тщательно описаны внешне. Иван Петрович, глава семьи, - полный, красивый брюнет с бакенами, устраивал любительские спектакли с благотворительной целью, сам играл старых генералов и при этом кашлял очень смешно. Жена, Вера Иосифовна, худощавая, миловидная, в пенсне, писала романы и охотно читала их вслух гостям. Дочь, Екатерина Ивановна, называемая всеми Котик, молодая девушка, играющая на рояле.

В манере рассказа и описаниях мы всегда ощущаем присутствие рассказчика, дающего попутную уточняющую информацию; иногда возникают авторские ремарки, всегда мастерски сменяющие предыдущую эмоцию.

Прием звукового воздействия, такой яркий у Гоголя, Чеховым несколько сглажен, но тоже ощутим и действен. Этот прием задает особую интонацию фразе или отрывку, часто разрешая их парадоксальным, нелогичным с точки зрения правил построения лексики, образом. Гоголь, как о нем писали, «вставлял какое-нибудь звучное слово единственно для гармонического эффекта». У него классическим примером такого приема стало описание Башмачкина, где ряд однообразных характеристик «рябоват, рыжеват, подслеповат ...» завершается раскатистым «цветом лица что называется геморроидальным». У Чехова в «Ионыче» его можно встретить в момент чтения Верой Иосифовной своего нового рассказа. «Она начала так: «Мороз крепчал...» Окна были отворены настежь, слышно было как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука... ..и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз...». Нереальности ситуации добавляет мимоходом, как кажется автором, сказанное замечание о сюжете романа, какого в жизни никогда не бывает. Так же парадоксально разрешение вопроса о том, печатается ли она где-либо, на что Вера Иосифовна отвечает: «Для чего печатать, ведь мы имеем средства». Наиболее ярким с позиций наполнения звукового ряда, становится описание игры Котика на рояле, где после подготовительного «подняли крышку рояля, раскрыли ноты» вдруг идет «Екатерина

Ивановна ударила по клавишам... она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавишей внутрь рояля». Ощущается комичность, даже гротесковость ситуации.

Приемом логического несоответствия нагнетаемой эмоции ее разрешению авторы достигают того же комического эффекта. Уже упомянутая игра на рояле в представлениях Старцева выглядит так: «Гостиная наполнилась громом; гремело все (эпическое начало): (и тут же бытовое) - и пол, потолок, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своей трудностью, длинный и однообразный, и Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться...». Продолжительность действия здесь встраивается в нарастание эмоции фразы, после чего она нелогично замыкается. Чехов усиливает фразу, продолжая ее новым подъемом и новой остановкой: «...Екатерина Ивановна, розовая от напряжения, сильная, энергичная, очень нравилась ему».

Для сказа, отмечает Эйхенбаум, свойственно наделение персонажей особой **стилизованной речью**, отличной от бытовой, какую находит он у Островского.

Самый яркий пример – речь Ивана Петровича. Делая авторскую остановку и поясняя развитие сюжета, Чехов обращает особое внимание на этот пункт: «Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же их решали все время говорил на своем необыкновенном языке, выработанным долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...». С ним же связано еще одно речевое комическое, разряжающее напряженную ситуацию. Когда Старцеву приходится который раз долго пить чай в ожидании Екатерины Ивановны, Туркин вдруг начинает доставать из жилетных карманов записочки, одна из которых написана немцем и сообщает о том, «как в имении испортились все запираательства и обвалилась застенчивость». Каламбур, помещенный в определенный стиль речи, продолжает подтверждать гротесковость описываемой ситуации.

Еще один прием сказа- введение фамильярного многословия, характерного для Гоголя, мы у Чехова в «Ионыче» не встретим. Паузы скорее наполняются повествовательным рассказом и весь комизм сконцентрирован в моментах общения или описания.

2. После описания характерных черт сказа, Б.Эйхенбаум переходит к следующему этапу – описанию типов сцепления отдельных приемов для достижения стройности и наибольшего эффекта повествования.

Одним из описанных типов сцепления отдельных приемов Эйхенбаум считает **резкую смену тона высказывания**, перерыв в нарастающей интонации, о чем, в принципе, мы уже упомянули. У Гоголя, например, эпическая интонация часто сменяется сарказмом. После этого может следовать замыкание ситуации мимическим жестом вроде «Что ж делать, такой климат». Мы физически в этот момент ощущаем ужимку автора. Для Чехова свойственно краткое, но более плавное завершение ситуации путем описания чувств, переживаемых героем. Так, например, сцена посещения Ионычем кладбища описывается следующим образом: «- мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет

жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем. Кругом безмолвие; в глубоком смирении с неба смотрели звезды, и шаги Старцева раздавались так резко и некстати». А после его размышлений о бренности жизни следует сворачивание: «И точно опустился занавес, луна ушла под облака, и вдруг все потемнело кругом».

Или сцена объяснения с Екатериной Ивановной после ее приезда из Москвы. Эмоция и напряжение от предложения к предложению все возрастает, но Старцев, снимая остроту ситуации и собственных чувств, вдруг говорит: «Вот вы спрашиваете, как я поживаю. Как мы тут поживаем? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу». Здесь уже романтическая ситуация сменяется прямым драматическим описанием состояния жизни, резко снимающим нарастающее до этого возвышенное напряжение.

Под категорию резкой смены тона высказывания подходит свойственная Гоголю мелодраматическая вставка как контраст комическому сказу. Этим приемом достигается возведение повествования в гротеск. Затем обычно идет возвращение к деловому, игривому или небрежно-болтливому стилю изложения.

Важной особенностью сказа, прямо влияющего на успех гротеска, является, как необходимое условие, **замкнутость мира события**. Это или очень узкий внутренний мир героя, или маленький изолированный городишко. Так и у Чехова в Ионыче, где губернский город С. вызывает у приезжих лишь скуку и ощущение однообразия. И вроде бы местные жители оправдываются, говоря о наличии библиотеки, театра, клуба, балов, но из ремарки автора мы узнаем, что «вообще же в С. читали мало, и в здешней библиотеке так и говорили, что если бы не девушки и молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку».

Эйхенбаум по этому поводу говорит, что гротеск делается не с дидактической или сатирической целью, а с целью открыть простор игры с реальностью, которая становится возможной лишь в условиях наибольшей пространственной изоляции, «чтобы старые законы взаимодействия не действовали». Отгородив мир реальности, по его мнению, можно совместить несовместимое, преувеличить малое и сократить большое. «Только на фоне такого стиля малейший проблеск настоящего чувства приобретает вид чего-то потрясающего».

Важным приемом, используемым Гоголем с целью разрядки эмоции после, как правило, напряженного или драматического конца, становится уже знакомый анекдот. У Гоголя это небольшой сюжет, казалось бы не связанный с основным. У Чехова в «Ионыче» – это замыкание повествования в точке его начала. Драматизм пережитых событий, в значительной мере повлиявших на героев, вдруг снимается справкой о семье Туркиных, как если бы мы с ними вновь познакомились. «А Туркины? Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему все острит и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре. Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым. Провожая их на вокзале, Иван Петрович, когда трогается поезд, утирает слезы и кричит: «Прощайте, пожалуйста!».

Произведенный анализ с большой долей уверенности позволяет нам видеть в творчестве А.П.Чехова приемы сказа. Они не столь рельефны как в творчестве Н.В.Гоголя, но создают неповторимую атмосферу словно взятой под лупу реальности, иронично и мастерски описанной.

